

Глава 2 - Эпитафия

Все воспоминания Цзю Цзе об этой зиме были серыми, как будто в этот день земля была покрыта холодным, обжигающе холодным и бескрайним снежным покровом.

И из этих разрозненных серых воспоминаний было много того, чего он не мог вспомнить.

Он забыл, как он сообщил в полицию, забыл, что случилось после звонка, забыл, как его допрашивали в полицейском участке; Цзю Цзе даже забыл о самом себе, он не помнил, что он делал вообще.

Казалось, что душа покинула его тело, а он был всего лишь зрителем, безучастным наблюдателем со стороны, следивший за всем происходящим.

Но одну вещь Цзю Цзе запомнил очень хорошо - это была некомпетентность полиции. Они не смогли назвать причину смерти его отца.

В то утро, когда умер Цзю Мин Шань, на его теле не было признаков травмы и никаких признаков отравления; не было признаков сердечного приступа, такого рода, приписываемого внезапным болезням, и кроме всего прочего последним штрихом в расследовании был факт, что двери и окна в комнате были нетронутыми, и признаков злоумышленников тоже не было.

Смерть Цзю Мин Шань оставалась загадкой для всех.

Однако, что касается причины смерти его отца, то Цзю Цзе имел эту сумасбродную идею; он неопределенно чувствовал, что отец был убит во сне. Естественно, Цзю Цзе никому не сообщил об этом. Да и никто бы и не поверил.

И тем не менее, случилось то, чего он не ожидал, к его большому удивлению появился человек с такой же абсурдной идеей, как у него самого.

Это был средних лет человек, который неожиданно появился на похоронах его отца.

Цзю Цзе хорошо запомнился этот день. Было очень холодно; в то утро шел снег; и он был под навесом, задумавшись смотрел на портрет его умершего отца.

Когда они встретились взглядом, Цзю Цзе был потрясен. Это был тот самый человек, которого он видел в своем сне в ту роковую ночь.

Человек подошел к портрету отца, снял меховую шапку и зажег фимиам. [пп: фимиам - благовонное вещество для курения]. Он наклонился вперед для молитвы, прочитав несколько слов. Его голос был чрезвычайно мягким, несмотря на то что человек был многоречив, Цзю Цзе не смог разобрать ни единого слова.

После всего он подошел к Цзю Цзе и спросил, «Ты Цзю Цзе? Я - Ло И Дэ, друг твоего отца. Он должен был упомянуть обо мне?»

Голос человека был спокойным, но в то же время быстрым. Хотя и незнакомец стоял прямо перед ним, создавалось ощущение будто его голос доносился издалека.

Цзю Цзе конечно же знал его имя. В письме его отец четко упомянул о том, что он должен

следовать за этим человеком.

Цзю Цзе посмотрел на человека средних лет. Он был высокого роста и с прямой осанкой, лицо у него было квадратное и незнакомец носил опрятную бороду, вот только волос на голове было совсем немного; было похоже, что он только что снял свою шапку, так как от головы медленно исходил пар. Его волосы были зачесаны в средиземноморском стиле и мужеподобное лицо было похоже на молодого французского футболиста - Зинедин Зидана.

В конце, отвечая на вопрос, Цзю Цзе просто апатично кивнул, 'Мм'.

«Что твой отец сказал тебе обо мне?» Ло И Дэ снова задал вопрос.

«Он сказал мне следовать за тобой.» Просто ответил Цзю Цзе.

«Понятно...» Ло И Дэ повернулся, чтобы посмотреть на портрет под навесом и произнес, «Сначала мы проводим твоего отца в последний путь, а после этого мы поговорим.»

Затем он взглянул на Цзю Цзе и тихо пробормотал: «В его сердце есть ненависть. Нет, это даже нечто большее.»

Останки Цзю Мин Шань был захоронены в Общественном Кладбище пригорода Шэнь-Сити на Горе Дракона. Через некоторое время друзья и родственники постепенно начали расходиться. Единственным кто остался был Цзю Цзе, который молчал все это время. Ло И Дэ сопровождал его до конца церемонии.

К этому времени снег перестал идти, горы и реки покрылись серебром, но небо было угрюмым и облака были плотно сжатыми, атмосфера была в тоже самое время и торжественной, и подавляющей.

«Дядя Ло, мы ведь встречались уже раньше, не так ли?» Цзю Цзе нарушил тишину и задал свой вопрос.

«Ммм, когда тебе был один годик я пришел в ваш дом и встретил тебя в первый раз. Твоя мама все еще была жива. Старый Цзю имел благословение, потому что смог жениться и иметь такую красивую жену и прекрасного сына. Не знаю сколько было завистников, но к сожалению. Такая красивая женщина родилась под такой несчастливой звездой, что и в самом деле могла заставить человека причитать от горя.» Сказал Ло И Дэ.

«Я имел ввиду совсем другое.»

«Что ты имел ввиду?»

Цзю Цзе пристально посмотрел на Ло И Дэ. «Той ночью, во сне, ты был там!»

Взгляды обоих были такими же острыми как двойное лезвие стального клинка, и врезаясь в друг друга искры летели в разные стороны.

Ло И Дэ первым отвел глаза и выдавил из себя улыбку. «Да нам довелось встречаться во сне. Я вошел в твой сон.»

Цзю Цзе оживился и сразу уловил значение слов Ло И Дэ и спросил, «Ты можешь войти во сны других людей?»

Ло И Дэ в знак согласия кивнул головой.

Цзю Цзе был в шоке, думать о том, что сказал этот человек было невозможно, но когда он еще раз посмотрел на Ло И Дэ, то по его виду было видно, что он говорил правду.

«Кто ты такой, скажи на милость?» Устало спросил Цзю Цзе.

«Моя официальная должность - директор отдела семерки NSB».

«И не официальная?»

«Конечно, я - Хранитель Снов.»

«Хранитель? Что это значит - Хранитель Снов?» Недоумевающе спросил Цзю Цзе.

«Это длинная история, но ты можешь просто интерпретировать Хранителей Снов, как Хранителей. А насчет деталей, тыознакомишься с ними по ходу дела.»

Чем больше Цзю Цзе слушал, тем больше становилось его удивление, но глубоко внутри его тревожило нечто совсем другое. Нарастающий внутри него вопрос стало все сложнее сдерживать, чтобы не задать и тогда он спросил, «Мой отец был убит во сне, это правда?»

Эта идея была абсурдной, но Ло И Дэ выглядел совершенно спокойным, и его обветренное лицо не показывало ни единого сигнала замешательства, когда он услышал слова Цзю Цзе.

Ло И Дэ погодил немного, но потом начал медленно кивать.

Цзю Цзе внезапно покраснел и перешел на крик, «Что это все значит? Кто это сделал? Мой отец, как он, черт побери, умер? Ты должен знать что-то. Скажи мне!»

Ло И Дэ вздохнул и тихим голосом сказал, «Дитя мое, ты должен переживать, но не о том, как умер твой отец.»

«К дьяволу! Черт! Цзю Цзе от ярости зарычал. «Он был моим отцом! Только за ночь до того он был в полном порядке. А сейчас он убит при неизвестных обстоятельствах. Ты знаешь, как я себя чувствую? Я не должен переживать о том, как умер мой отец? Тогда, о чем же я должен переживать?»

Будучи обруганным со стороны столь юного существа, Ло И Дэ не дрогнул и сказал, «Ты должен интересоваться о том, как жил твой отец.»

Как только Цзю Цзе услышал это, он безучастно уставился; слова, которые он собирался сказать, казалось, застряли у него в горле, и его лицо стало таким красным, что он выглядел как отварная креветка.

«Ты действительно знал своего отца?» Спросил Ло И Де.

Цзю Цзе хотел было ответить, но слова никак не слетали с его губ; он порылся в воспоминаниях о своем отце и вдруг его осенило.

Впечатление, которое у него осталось от отца, было то, что он всегда был занят. В течение дня он преподавал в университете, а ночью он запирался в своем кабинете.

Каждый день он был занят. Что тревожило его отца, что ему нравилось, что он ненавидел, Цзю Цзе не знал.

Цзю Цзе был потрясен, обнаружив, что все это время он был со своим отцом, но в действительности ничего о нем не знал!

Ло И Дэ не обратил внимание на безучастное выражение лица Цзю Цзе. Он повернулся к надгробной плите, помахал Цзю Цзе и спросил: «Ты когда-нибудь видел эпитафию своего отца? В соответствии с его пожеланием это было выгравировано моими руками.»

Цзю Цзе повернулся к надгробной плите, и в точности как сказал Ло И Дэ, он действительно не присмотрелся к эпитафии написанной на могиле его отца.

Надгробная плита была сделана из горного камня, а на обратной стороне рукой искусного мастера мелким шрифтом были выгравированы следующие слова:

«Когда я был молод и легкомыслен, я считал, что обладаю необычайной силой, которая намного превышает силу обычного человека, и поэтому я мечтал изменить мир.»

«Когда я повзрослел, я понял, что не могу изменить мир, тогда я сократил свою мечту и решил изменить свою страну.»

«Когда мои дни приблизились к концу, я обнаружил, что я не могу изменить свою страну, и тогда моим последним желанием стало изменить мою семью, но это было невозможно.»

«Когда же мои дни подошли к самому концу, я понял одну вещь, что во-первых, изменился только я сам, и будучи живым примером, я надеялся изменить свою семью, и со всей их помощью и поддержкой, возможно я смог сделать что-то для своей страны. И кто знает? Возможно я смог изменить мир.»

Очень коротенькие несколько строчек, он смотрел на них очень долго. Это была даже не эпитафия, а скорее всего доктрина жизни – интроспекция души.

Цзю Цзе был взволнован. все это время, почти десять лет он жил со своим отцом фактически ничего о нем не зная.

Ты должен беспокоиться не о том как он умер, а о том как он жил.

Цзю Цзе понял значение слов, которые произнес Ло И Дэ; он хотел, чтобы Цзю Цзе перестал ненавидеть и продолжал жить своей жизнью.

«Дитя мое, что ты думаешь после того, как прочел это?» Спросил Ло И Дэ.

Глаза Цзю Цзе ни на один миг не покинули надгробную плиту. Он молчал, не зная что ответить. Он только чувствовал, что образ его высокого и внушительного отца стал еще больше, а теперь еще и стал частичкой тайны.

Ло И Дэ смотрел на Цзю Цзе, когда тот в одиночестве стоял на пронзительном холодном ветру, одинокий и упрямый, точно такой же как его отец, когда он был молодым.

В его взгляде смутный образ молодого студента первого курса университета наложился на мальчика, стоящим перед ним, и два силуэта мало по малу стали походить как две капли воды.

Это тронуло его до глубины души; он вздохнул и сказал, «Дитя мое, твой отец был необыкновенный человек. Когда я был молодым я был слишком надменным. Мир был похож на стадо овец. Но твой отец был исключением. Мы редко виделись с ним с глазу на глаз, но он

был одним из немногих, кем я восхищался в этом мире. Я очень сожалею, что он умер. И знаю, что ты затаил ненависть в своем сердце, но ты не должен жить мстью. Ты должен найти свой путь, как когда-то его нашел твой отец.»

«Я найду путь...»

Он с силой сжал кулаки. Вспоминая жизнь с отцом, он ощущал, как грозная мощь начала пульсировать внутри него, и в мгновение ока она выросла как воздушный пузырь и заполнила его с головы до ног; сила, казалось, бурлила в его венах, и казалось, что они вот-вот взорвутся, как при извержении вулкана, достаточное для того, чтобы уничтожить даже небо и землю.

Глаза Цзю Цзе стали красными, и через его сжатые челюсти, он процедил, «...но прежде всего, я отомщу.»

<http://tl.rulate.ru/book/10055/204090>